

Эпоха европейского Ренессанса удивительно поляризована: с одной стороны – всё более уверенный и плодотворный полёт наук и технологий, диверсификация философии и расцвет искусств. С другой – усиление репрессивных мер в отношении интеллектуальных инноваторов со стороны католической церкви, догматично отстаивавшей идеологию, которой новые эмпирические данные, как казалось, противоречили, подвергая сомнению канон Аристотеля, адаптированного для средневекового мира Фомой Аквинским. С одной стороны этого фронта – Тициан, Веронезе, Леонардо, Рафаэль, Микеланджело... С другой – Торквемада, орден иезуитов, казнь М.Сервёта и Дж.Бруно, отречение Галилея, многочисленные аутодафе и суды инквизиции...

которые даже противоречили их материальным, научным и жизненным интересам».

Врачи и инквизиция

Интерпретировать с точки зрения современной психиатрии психопатологическое содержание поступков и высказываний жертв инквизиции сегодня сложно. Можно предполагать, что здесь имели

певтические техники, которые могут быть названы с точки зрения сегодняшнего дня именно таким образом. Среди них широкое распространение получили «Духовные упражнения» святого Игнатия де Лойолы (1491-1556), в которых можно констатировать последовательность этапов, приёмы и динамику, позволяющие соотнести «Упражнения» с общими принципами многих со-

А.Везалия и М.Сервёта, физиология У.Гарвея и М.Мальпиги, астрономия Н.Коперника, физика Г.Галилея), в значительной степени находились в орбите идеализма; а учёные, тяготевшие к материализму, старались объяснять вновь открытые феномены с этой идеологической позиции (креационизм, астрология и пр.), соответствуя тезису историка католической церкви Цезаря

Психически больных лечили на кострах

Внутренние противоречия, столкновение идеологий (вера и знание) и методологий (дедукция схоластики и индукция эмпирики) сформировали конструкцию в духе китайской натурфилософии Инь-Ян, в которой действие генерирует противодействие, и от этого разность потенциалов на обоих полюсах только возрастает. Чем больше в науке происходило открытий и возникало идей, тем более активизировались действия клириков, направленные на подавление новшеств, расширявших привычную картину мира до тех пределов, внутри которых некоторые из прежних догм казались неочевидными, по крайней мере требующими дополнительных комментариев и пояснений. И сам этот факт порой выглядел ересью сомнения в основах мироздания, раз и навсегда интерпретированного теологами. С точки зрения схоластики, эмпирика новой науки подрывала неоспоримую конструкцию, требуя переосмысления самой модели мироустройства.

Медицина эпохи Ренессанса оказалась на самом острие этого конфликта. В конце XV – начале XVI веков врачи обратились к достижениям античности, что уже само по себе было идеологической девиацией-диверсией, ибо труды язычников далеко не однозначно воспринимались Церковью. Конечно, труды Гиппократов считались каноном, но далеко не все, а кроме того, были в античном мире авторы и помимо Гиппократов. «Первым результатом освождения людей от Церкви явилась не способность мыслить рационально, а их готовность принять любой античный вздор», – заметил Б.Рассел.

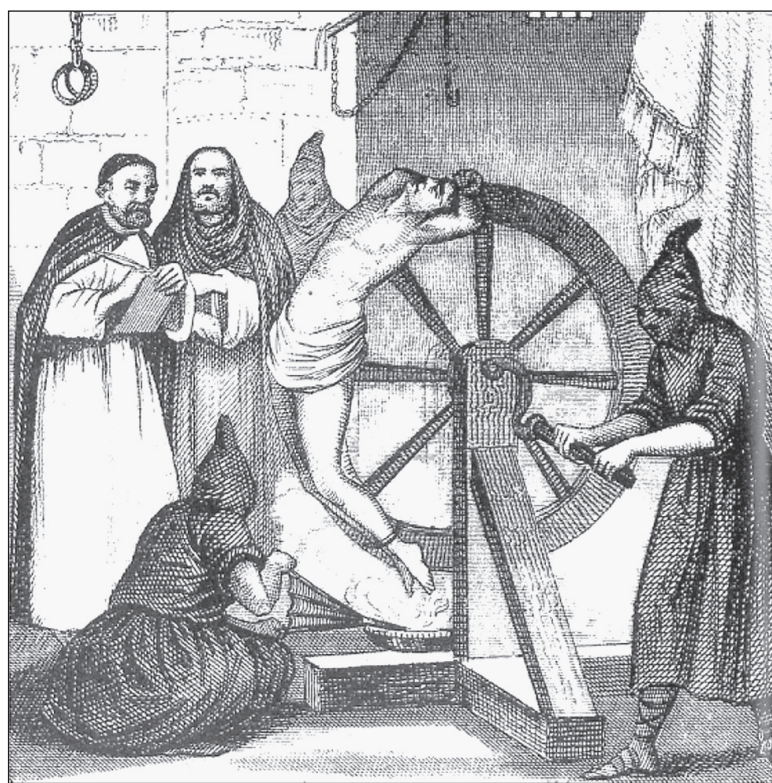
Тем не менее интеллектуальные экскурсии в Элладу и Рим не дали ответов на все интересующие людей этого времени вопросы: античная медицина не смогла вместить новую эмпирику, оказавшись, тем не менее, трамплином для дальнейшего продвижения науки в материалистическом духе, впрочем, не без оглядки на Церковь. Попытки следования по пути научного познания уже обозначились, ещё не став непреложным обиходом, оставаясь не всегда легальными и легитимными, порой внедряясь на территорию религиозных табу и вызывая репрессии со стороны клира. В 1557 г. был впервые издан и с тех пор регулярно переиздавался «Список авторов и книг, которые не были одобрены как еретические или подозреваемые в ереси или в вреде учреждением Римской церкви и являющиеся запрещёнными во всех христианских странах», составленный папской курией. В него было включено значительное число книг медицинского содержания. (Список был упразднён только в 1966 г.)

Применительно к психиатрии конфликт сторон состоял в том, что подъём научного тренда в эпоху Ренессанса спровоцировал высокую активность инквизиции, трактовавшей почти любое психическое расстройство как «бесподержимость» и «лечившей» эти отклонения в застенках и на кострах аутодафе. Попытки интерпретации таких состояний как патологических – с попыткой иного объяснения происхождения феномена – оказывались в прямом противоречии с религиозными канонами, автоматически переходя в разряд ересей и богохульства.

Былое

Инь и ян европейского Ренессанса

Медицина этой эпохи оказалась на острие конфликта

В 1468 г. католическая церковь объявила колдовство «*crimen excepta*» («исключительным преступлением»). В 1487 г. доминиканские монахи Я.Шпренгер и Г.Краммер напечатали книгу «Молот ведьм», в которой подробно описывались способы, позволяющие распознавать «бесподержимых» и ведьм и уничтожать их. «В процессе изменения отношения к колдовству зародилась современная психиатрия как медицинская дисциплина». «Если врач не мог обнаружить свидетельств природной причины болезни, от него ожидали доказательств использования колдовства». Появилась новая парамедицинская специальность – «ведьмоукалыватель», имеющая диагностическое содержание. Эти специалисты получали сдельный гонорар – за каждого обнаруженного колдуна или ведьму. Диагностика фактической психопатологии имела выраженную религиозную подоплёку и, по существу, обозначая некоторые из клинических феноменов современной психиатрии, была средством идеологических репрессий. «Молот ведьм» мог бы, после небольшого редактирования, послужить отличным современным учебником по описательной клинической психиатрии XV века, если слово «ведьма» заменить словом «пациент» и убрать слово «дьявол», – замечает Сас. В этой книге были описаны такие современные психопатологические феномены, как анестезия, парестезия, двигательные дисфункции, обсессии, реакции регрессии, фобии, компульсивные расстройства. Достижения психиатрии этой эпохи иногда принимали странные очертания, как и во время гитлеризма в Германии, где некоторые психиатры, по словам С.Лема, «делали значительно больше, чем могли ожидать от них Гиммлер и Гитлер. Эти люди заполняли пространство ужасами, которых от них никто не требовал, не принуждал,

место и юридический произвол, и личная заинтересованность материального свойства, и психопатологический радикал личности у некоторых инквизиторов, но, разумеется, были среди «преступников» и психически больные люди – пациенты с депрессивной симптоматикой, оговаривающие себя из-за бреда самообвинения, параноидные и кататонические больные, истерики. «Сотни тысяч душевнобольных стали жертвами этой насильственной реакции. Не все обвиняемые в ведьмачестве или колдовстве были сумасшедшими, но почти всех душевнобольных считали ведьмами, магами либо околдованными», – констатировал Сас.

Исследователь этого вопроса Т.Кирхгоф считал, что пропорция патологии и нормы является паритетной. Миллионы ведьм, магов и одержимых представляли собой массу острых невротиков, психотиков и страдающих от значительного обострения органического бреда. Отчёты о судах над ведьмами, дошедшие до нас, представляют свидетельства того, что значительная доля обвиняемых в колдовстве состояла на деле из душевнобольных. Современник эпохи М.Монтень говорил: «Эти люди представляются мне скорее сумасшедшими, чем виноватыми в чём-нибудь». Некоторые врачи XV века защищали «ведьм» перед судом инквизиции, произнося формулу: «Ничего от демона, много лжи, немного – от болезни», и это уже было подвигом: в любой момент можно было прослыть пособником ведьм. Однако значительное число врачей находилось под влиянием религии, веря в «бесподержимость» психически больных людей и – вольно или невольно – содействуя инквизиции.

Однако инквизиция внесла в развитие психиатрии не только эту весьма своеобразную «диагностику». Католическая церковь совершенствовала и психотера-

временных психотерапевтических релаксационных и медитационных методик. И, как резюмировал К.Юнг: «Католическая церковь с её строгой системой религиозных предписаний и наставлений... является психотерапевтическим институтом».

«Духовные упражнения» святого Игнатия Лойолы, одобренные Папой Павлом III 31 июля 1548 г., представляют собой сочетание испытания совести, размышления, созерцания, словесной и мысленной молитвы. Они не слишком далеко отстоят от тех древних медитативных техник Востока, которые стали столь популярны во второй половине XX века.

Принц Сиддхартха, выехав из дворца, последовательно увидел четыре картины, изменившие его жизнь. Один за другим ему встретились: нищий старик (первый этап: «Упражненный» Лойолы: у старика воспоминаний больше, чем у молодых людей, в жизни любого человека, жившего достаточно долго, немало грехов); больной (второй этап: каждый тяжелобольной вспоминает жизненный путь и думает о смерти, сводя балансный отчёт, оценивая фактический результат как итоговый выбор), труп (третий этап: «крестное страдание, умирание с Христом») и отшельник (четвёртый этап: Воскресение и Вознесение – в известном смысле слова – уход от людей, остающихся в другом мире, незамутнённая духовность, не связанная с суетой мира живущих). И эти фазы очень близки этапам «Духовных упражнений», причём не буквально, а по сути, по духу, по их глубинному смыслу.

Наука – служанка теологии

Но дальнейшее развитие психотехник в Европе оказалось не слишком продуктивным. Возможно, что причина этому – интенсивный рост эмпирической науки Ренессанса, отвернувшейся от трансцендентного, посчитавшего его неуместным, неактуальным, неverifiedируемым – «антинаучным». Если принц Сиддхартха стал Буддой Шакьямуни, то о Лойоле более всего известно, что он был основателем ордена иезуитов. На Востоке медитативные техники никогда не становились маргинальным и предосудительным занятием. В рассудочной Европе в итоге случилось именно это.

И орден иезуитов – при том, что он создавался для духовного служения, был в значительной мере ориентирован на секулярную активность, направленную на достижение политических целей. Усматривая потенциальную конкуренцию со стороны науки, клирики заняли круговую оборону, переходящую в нападение. (Это, впрочем, касается не одних лишь иезуитов). Странники идеалистических воззрений, они пытались подавлять своим влиянием материалистические тенденции развития наук, которые всё ещё, несмотря на заметные достижения (анатомия

Борония: «Наука – служанка теологии» или не объяснять вовсе, отрекаясь от них (скрывая их). Тем не менее анатомирование становилось всё более легитимным аспектом медицинского обучения: в 1490 г. в Падуе был открыт первый анатомический театр. Но позиции Церкви оставались весьма влиятельными: к примеру, анатомические открытия Везалия сопровождалась резкими нападками на него со стороны схоластов, в результате чего анатом был назван в полемике «безумным», изгнан из Падуанского университета (1546 г.), считавшегося прогрессивным, и ему было предписано «очиститься от грехов» посредством паломничества в Иерусалим.

Соответственно, несмотря на некоторые достижения медицины в прочих специальностях (хирургия, анатомия), психиатрия находилась в поле гораздо более заметного и мощного влияния католического клира, часто предлагавшего брутальные интервенции в судьбу психически больных людей. Церковь сохраняла огромное влияние; возражения и предложения по поводу собственно психиатрического лечения со стороны её оппонентов встречались нечасто, хотя с течением времени становились всё более интенсивными. В результате этого, со временем ситуация изменилась абсолютно: наука заняла в психиатрии едва ли не все позиции, задвинув идеалистические конструкции, к которым принадлежали психотехники Лойолы, и некоторых других деятелей Церкви на задний план. Возможно, именно по этой причине медитативная техника молитвы, несмотря на её глубокие корни, традиции и лечебный эффект, в ряде случаев возникавший благодаря ей, не числилась по медицинскому ведомству и не оценивалась с клинической и терапевтической точек зрения – вплоть до умозаключения К.Юнга. Набирающая авторитет и обретающая влияние европейская наука, не найдя рационального объяснения целительному эффекту молитвы, игнорировала её как медицинский факт. Впрочем, это случилось позже.

Противоречивая эпоха Ренессанса детерминировала тенденции ускоренного развития наук. Неизбежность глубоких изменений становилась всё более очевидной; и если Джордано Бруно (1548-1600) перед лицом инквизиции не отказался от своих идей, потому что верил, то Галилео Галилей (1564-1642) отрёкся, так как уже точно знал. Но в его знании не нашлось места для медитации «Духовных упражнений».

Игорь ЯКУШЕВ,
доцент Института
ментальной медицины.

Северный государственный
медицинский университет.

Архангельск.

НА СНИМКЕ: инакомыслие, особенно инновационное, жестко преследовалось инквизицией.